

Самая низовая на Дону

Федотова Т.А.

ГОУК «Азовский историко-археологический
и палеонтологический музей-заповедник»,

г. Азов

Район дельты реки Дон как ойконим известен с древнейших времен. Археологическими исследованиями разных лет доказаны факты обитания людей в дельте Дона еще в V в. до н.э.: фактически на острове, в месте изгиба реки и деления ее на два рукава, существовало поселение, названное учеными «Елизаветинским поселением». Жизнь здесь наблюдалась с V в. по сер. III в. до н.э., но, видимо, еще с конца VI в. до н.э., как отмечают некоторые исследователи, на берегу современного ерика Дугина скифская орда основала зимнее стойбище. [1; с. 9,65]. С появлением греков в дельтовой части реки появляются поселения и стоянки тех, кто ловил и заготавливал рыбу. В начале весны и осенью сюда за товаром приходили греческие галеры.

Вышесказанное подтверждается многочисленными находками на бывшем Елизаветинском поселении каменных грузил от больших сетей и неводов, а также фрагментами терракотовых статуэток близ современных хуторов Дугино и Рогожкино. Изделия эти принадлежали грекам.

Родоплеменная верхушка скифов быстро поняла значение торгового обмена с греками и другими соседями (савроматами, местами) и стала на этом богатеть.

К началу IV в. до н.э. Елизаветинское поселение превратилось в крупнейший центр греко-варварской торговли в Подонье-Приазовье. Так продолжалось до первой половины III в. до н.э., когда сарматы стали угрожать набегами жителям Елизаветинского поселения. После их ухода боспорские греки основали здесь небольшую торговую факторию – эмпорий. Но и он, просуществовав 10-15 лет, погиб при нашествии сарматов около 260 г. до н.э.

Новым политическим, экономическим и культурным центром Подонья – Приазовья становится Танаис – древнегреческий город-порт (в районе современного хут. Недвиговки, на правом берегу р. Мертвый Донец).

На берегах Дона, в дельте, выходцами из Прикубанья – земледельцами-меотами образуется ряд поселений. После нашествия гуннов и захвата ими в 370 г. Танаиса, жизнь в округе и самом центре изменяется, становится тревожнее и опаснее. Объемы торговли потихоньку сокращаются. Только на островах дельты Дона, у современных хуторов Дугино и Рогожкино, сохранились рыбацкие поселения.

В них по-прежнему выловленная и заготовленная рыба менялась на импортные товары, чаще на вино.

В первой половине V в. н.э. жизнь в Танаисе и в дельте Дона замирает.

В XI-XII вв. место это вновь становится оживленным и значимым, т.к. находилось на торговом пути из Киевской Руси в Византию.

Поселение это значилось как «Казачий ерик», «Casale de Rossi». Другими словами, в дельте Дона действует порт. Византия, имея неограниченную монополию на морские перевозки в Черноморье, поощряет предпринимательство соотечественников, в т.ч. в рыбной ловле. Византийцы нанимают для этого местных жителей.

Контроль за устьем Дона Византия сохраняла до взятия Константинополя крестоносцами в 1204 году, затем эта монополия по наследству перешла к Трапезундской империи.

Монголо-татары во время похода 1222-1223 гг. перерезали водный путь из Булгара в Константинополь, чем прервали поток товаров с Севера: бургаских мехов, белок, бобров и др. Однако византийцы продолжали мелкими судами бывать в дельте Дона и закупать огромные партии соленой рыбы, которую после везли для погрузки на большие корабли.

О пребывании венецианцев и генуэзцев в районе современного Азова (район порта) подробные сведения можно найти в «Очерках истории Азова. Вып. 7», изданном в 2003 г. Азовским музеем-заповедником.

Сферу интересов италийцев по-прежнему составляли торговля и эксплуатация ресурсов Азовского моря и дельты Дона. В последнем случае они нередко покупали места, изобилующие рыбой, вели там лов, финансировали артели или полностью покупали рыболовные цеха.

После захвата в 1475 г. османскими войсками итальянской Таны она стала портом и крепостью Азак Османской империи.

Поселений, сельхозугодий, за счет которых можно было бы снабжать гарнизон крепости продуктами (кроме рыбы), вокруг не было [1; с. 74]. Их везли из Крыма, Кафы, Трапезунда.

Взамен турецкие суда загружались рыбой, икрой, шкурами бобров, лисиц, кожами и т.п. Турецкий путешественник Эвлия Челеби указывает тех, кто занимался поставкой этих товаров, и, в первую очередь, рыбы купцам. Он пишет: «Если идти от этой (Водяной – Т.Ф.) башни на запад, к углу Топрак-Кале, то встретишь вдоль берега Дона ряд помещений для рыбачьих лодок и общим счетом триста справных и захудалых домов. И по всему берегу Дона расположены в ряд триста маленьких лавок.

На ночь в этих лавчонках никакого товара не оставляют. Его относят в крепость, а по утрам вновь приносят». [17; с. 203].

Таким образом, рыбным промыслом занимались представители местного населения – оставшиеся здесь греки, татары, даже потомки алан.

Турецкая перепись сер. XVI в. сообщает о 104 семействах рыбаков, проживавших в Топрак-Кале, рыбные садки находились западнее, рядом с пристанью, ниже Азака. [13; с.69].

Азак же получил наименование «султанского рыбного двора», а его рыбные промыслы защищались турками от донских казаков.

Казачьи поселения – «городки» – стали появляться на Дону уже во 2-й четверти XVI в. Как отмечают исследователи, набеги их на турецкий Азак случались нередко.

Поэтому в сер. XVI в. султан в Константинополе издал специальные постановления о защите азакских рыбных промыслов [2; с. 79]. Охрану города со стороны реки несли пять фрегатов, лодки с янычарами и азапами (морскими пехотинцами).

Казаки не раз собирались «воевать Азов» и действительно нападали на крепость. Однако и от другого способа приблизиться к нему они не отказывались – своими «городками» подбирались к Азову все ближе.

В 1592 г. крымский хан жаловался русскому царю на то, что казаки вновь возвели четыре городка, плотно заселив район почти у самого Азова.

Посмотрим, что это были за городки, и что означало слово «почти».

Исследователь В.Н. Королев приводит в своей работе список донских поселений, составленный П.П. Сахаровым, где перечислены все казачьи городки «с верховья от воронежских вотчин» и до низовий Дона. Последними там названы «Бесергенов, Маночь, Черкасской, Нижний городок. Самой нижней последней от Азова в 20 верстах». [7]. Следовательно, самый Нижний находился от Азова в 21,6 км, если иметь в виду версту путевую; если же автор росписи имел в виду версту межевую, то это расстояние превращается в 27-километровый путь. Однако ни один из источников не называет поселения казаков ни в самой дельте Дона, ни рядом с Азовом. Несколько позже, в 1623 г., ближайшим, по Сахарову, к Азову оставался уже не Нижний [1], а Монастырский городок, а после мощного турецкого наступления в низовьях Дона погибли и Нижний, и Маноцкий, вслед за ними Черкасский и Монастырский. И Войску Донскому, – как пишет В.Н. Королев, «пришлось временно отступить с Нижнего Дона к Раздорам». [7].

Следовательно, речь идет о поселениях выше Азова и уж точно не в дельте Дона. Использование современниками фразы «близ Азова» служило скорее географической привязкой, нежели действительным местопребыванием топонимов.

В «Трудах Донского Войскового статистического комитета» за 1867 г., в первом выпуске, в разделе «Краткие исторические сведения о заселении Донского края» со ссылкой на наказ царскому послу Третьяку Губину (1521 г.) упоминаются пустые земли «от Азова вверх по Дону до Переволоки и до устья Медведицы».

Однако, несмотря на пустоту, земли эти принадлежали частью азовцам (туркам), частью – татарам. Спустя пятьдесят лет земли эти уже были заняты казаками. Произошло это в 1570 г., когда в Турцию был направлен царский посол И. Новосильцев. С тех пор у места, где от главного русла Дона отделялся его рукав Каланча и впадал ерик Посольский (Посоцкий), стал происходить обмен послами между турецкой и российской сторонами.

Именно отсюда, «от Каланчи... которые... донские атаманы и казаки провожали нас, и те воротились как пришла встреча из Азова», – сообщал в Москву в 1592 г., ехавший послом в Турцию, Г. Нащокин [11; с. 51].

Как видим, рубеж этот был закреплен и действовал длительное время. И во II пол. XVII в. граница турецких владений по-прежнему будет проходить у «каланченского верхнева устья на перевозе, где послов принимали и отдавали» [11; с. 51].

При этом и турки, и казаки неоднократно предпринимали попытки «перенести» эту границу в свою пользу – турки старались как можно выше (вверх по Дону) вытеснить казаков. Но в 1637 г. донские казаки вытеснили из Азова турок, сделав его почти на пять лет столицей Войска Донского (до 1642 г.). [10; с. 42].

После Азовского сидения государственная власть в России все меньше мирилась с независимой внешней политикой Войска Донского, с гражданским патриархально-демократическим бытом и управлением казаков. Поэтому, жалуя привилегиями, правительство всеми способами старалось превратить Войско Донское пусть в особое, но зависимое от него сословие России.

Что касается рыбных угодий, то для казаков наиболее привлекательным оставалось устье Дона. Но здесь все еще господствовала

Турция, которая сама эксплуатировала рыбные богатства края. Самым близким к Азову местом пребывания донских казаков оставался Черкасск. Турки по-прежнему не допускали казаков к морю и дельте Дона, создавали угрозу для южной России: в 1660-1663 гг. в устье Дона, чуть выше места, где река делится на два рукава, турки построили две сторожевые башни, а чуть позже на Мертвом Донце, на его левом берегу, соорудили небольшую крепость Сед-Ислам (у казаков она называлась Лютик).

Но, как показали реальные события, Турция уже не имела прежней силы влияния в Приазовье.

Кульминацией борьбы России за Азов стали первый (1695 г.) и второй (1696 г.) походы Петра I.

После азовских походов Петра I и взятия Азова в 1696 году Россия в новых условиях сможет продвинуться в Подонье-Приазовье, создать опорные пункты для строительства крепостей – сначала Азовской и Таганрогской, позже – Аннинской (1730-1731) и Дм. Ростовского (1749).

С 1696 г. под прикрытием Азова и Лютика стало возможным появление в дельте Дона казаков, а также пришлых людей из разных российских мест. Фактически с этого времени можно говорить о зарождении тех поселений, которые и поныне сохранились в дельте Дона.

Река и ее протоки изобиловали рыбой, много было здесь осетра. Еще в 1696 г., близ нынешнего х. Петровского, для взятия Азова была устроена батарея, ниже находилась тоня, где по легенде ловили рыбу для Петра I во времена II похода на Азов. Тоня стала называться Государевой. После этих событий казаки и гарнизон крепости пользовались ею, но непременно спорили. Хутор же возникший, видимо, уже после 1774 года, получил название Государев.

Другим ранним, но тоже после 1774 года, поселением казаков под Азовом можно считать Щучий стан.

Однако некоторые исследователи называют другую, более раннюю, дату основания поселения на месте станицы.

Полковник генштаба Российской армии П.С. Балув в своей работе «Исторические и статистические описания станицам и городкам, посещенных г-ном Военным министром, при объезде его превосходительством Области Войска Донского в 1900 году» сообщает, что после взятия Азова в 1696 году «казаки заняли это место, разбили его для строения городка и поставили крест» [4; с. 186].

Автор имел в виду место на правой стороне Дона, где река огибает сушу и делится затем на два рукава.

Но ниже П. Балувев дает историю появления станицы и относит время возникновения здесь первого городка к 1593 году, т.е. ко времени нахождения этой территории в составе Османской империи, пребывавшей тогда в зените своей военной и политической мощи. Полковник ошибочно соединил в один сразу два факта: появление «близ Азова» Монастырского городка и место приема и передачи турецких и русских послов у ерика Посольского. Ерик действительно находился у Азова, но дата 1593 год, связана с другим местом. В «Истории Донского войска» Вл. Броневского (С. Петербург, 1834 г.) под этой датой обозначено появление городка на Монастырском яру, что более чем в 20 верстах от Азова и который турки категорически требовали снести и дважды в 1635 году вместе с татарами пытались уничтожить.

Вызывает сомнение и сам факт того, что ниже турецкой границы (проходила выше Азова и раздела Дона на рукава) мог находиться казачий городок. Утверждение явно не соответствовало действительности [7; с. 81; 3; с. 115]. Событие же 1699 г., сохранившееся как легенда, на наш взгляд, имеет под собой больше правды, нежели то, что отнесено Балувевым к 1593 году. В «Историческом описании земли Войска Донского», на стр. 380 указываются все городки казаков, существовавшие по Дону и не менявшиеся количественно с кон. XVII в. до Булавинского восстания. Поселений в дельте Дона здесь не указано.

После присоединения Азова и устьев Дона в 1700 году к России территория эта по реформе Областного управления 1708 г. была отнесена вместе с Войском Донским к учрежденной Азовской губернии. По условиям же Прутского мирного договора (12 июля 1711 г.) Россия вынуждена была возвратить Азов Турции, а вновь построенные города в округе подлежали разрушению.

Никаких поселений в округе Азова не упоминалось и автором монографии «Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в.», профессором А.П. Пронштейном, который утверждал, что земля Донская была малообжитой и являлась объектом для разбойных набегов как турок, так и крымских ханов и ногайских мурз. В таких условиях под боком у турок вряд ли могло спокойно располагаться какое-либо казачье поселение. К тому же земли устья Дона и юго-восточного побережья Азовского моря оставались барьерными вплоть до 1774 года. По условиям «барьеры» жить здесь никто не мог.

На Дону межевания земель никогда не было, то и границ казачьим владениям никто не определял. Не указывались границы и в жалованных грамотах царствующих особ.

Только в 1766 г. начато будет межевание казачьим землям. Оно продлится 20 лет, т.е. до 1786 года. За это время Азов и Приазовье, а также территория между Доном и Кубанью отойдут к России в результате русско-турецкой войны 1768-1774 годов.

Устье Дона, восточное и юго-восточное побережья: Азовского моря оказались, согласно «Карте всей земли Войска Донского», в составе владений донских казаков. 10 октября 1786 года Екатерина II начертала на ней: «Быть по сему». Однако на Дон документ этот был явлен позже – в 1793 г., 3 июня.

Получив карту земель и право на ее использование в соответствии с жалованной грамотой, казачество пожелало установить границы с соседями.

Последняя четверть XVIII в. была отмечена новой, более активной колонизацией Юга при поддержке государства. Так на Дону уже в 60-70-х годах формируются большие группы неказачьего населения – крестьяне, промысловики, оземейные, бурлаки (беглые), купцы. Для развития торговли и в целом экономического роста из Крыма и Турции в Приазовье и на берег Нижнего Дона по указу Екатерины II переселяются греки и армяне. С этого же времени очень быстро начинает заселяться Приазовье и дельта Дона.

Следует отметить, что в Приазовье московское правительство позволило поселиться значительным массам неказачьего населения. «Посреди владений казачьих» были отведены земли Ростовскому уезду и Таганрогскому градоначальству. Произошло это после того, как были для защиты «от набегов горских народов и турок...» построены крепости Троицкая (Таганрогская) и Св. Дмитрия Ростовского, а затем «разными случаями умножились близ крепостей поселения иногородцев, тогда отведены были для них из казачьих земель достаточные земли, сделавшие поселения сии прочными». [16; с. 9].

В 1795-96 гг. состоялось межевание земель Войска Донского. На стыке с Ростовским уездом Екатеринославского наместничества (позже Екатеринославской губернии) граница проходила по гирлу Свиному, далее по левому берегу Старого Дона, до устья Ерика Петровского на правом берегу, по нему – до истока ерика Дедерюгина, затем у начала Каланчи межа через Дон вновь переходила на левый берег, огибала излучину Дона и через ерик Рыгин устремлялась по суходолу к речке Койсуг, затем вновь поворачивала на

север и шла по этой же речке к устью р. Чертановки, впадавшей в Койсуг, а по ней на восток до ерика Чмута и вновь на северо-восток до р. Дон. Таким образом, почти вся территория дельты была отмежевана Войску Донскому.

В Задонской части размежевание земель Ростовского уезда и Войска Донского будет проводиться уже в начале XIX века.

В земле Войска Донского к концу XVIII в. – 109 станиц (бывших станов и городков).

В списках казачьих городков, составленных А. Ригельманом, в описи 1776 г., наконец, в работе русского просветителя XVIII в. Н.И. Новикова «Вивлиофика» (1791 г.) есть перечень и краткие сведения о донских станицах. Число их почти не менялось. Самыми крупными, не считая Черкаска, были верховые с числом от 400 до 340 дворов. Станицы под названием «Елисаветинская» нами на этот период не встречено. Однако поселение здесь уже существовало и носило имя «Казачий» или «Щучий стан».

Об этом мы узнаём из работы полковника генштаба русской армии П.С. Балуева «Исторические и статистические описания станицам и городкам, посещенных г-ном Военным Министром при объезде его Превосходительством области Войска Донского в 1900 г.». Он пишет: «С присоединением Азова в 1769 г. здесь стали быстро развиваться казачьи рыбоспелные заводы, а после образовался стан Казачий (Щучий)» [4].

Щучьим стал называться и бывший Посольский (или Посоцкий) ерик. Рыбачий стан под таким же названием – «Щучий» – упоминается еще одним исследователем истории Войска Донского полковником генерального штаба Н.И. Красновым в работе «Военное обозрение земли Войска Донского»[2]. Название это встречается и в официальных документах. Так, в «Памятной книжке Войска Донского за 1868 г.» в разделе «Населенные местности» по Черкасскому округу указана «Елисаветовская (Щучья), казачья станица при реке Дон» [4].

В 1796 г. поселение, согласно церковной ведомости, упомянуто как Казачий стан. В 1801 году генерал князь Горчаков, представлявший Военное Министерство в Восковой канцелярии, ходатайствовал о выдаче станичным юртам специальных грамот, коими обозначались бы их границы в пределах округов, размер земельного довольствия казаков.

В 1802 г., прикрываясь старинными названиями, имперское правительство вводит на Дону принципы губернского правления – земли казаков были разделены на 7 округов, соответствовавших российским уездам (районам). В один из них – Черкасский вошла территория дельты Дона, т.е. та, где и сегодня существуют населенные пункты, в их числе ст. Елисаветинская, ставшая самым низовым казачьим поселением на Дону.

Согласно данным «Статистического описания земли Донских казаков, составленном в 1822-1832 гг.» Щучий стан (он же Казачий) в 1807 г. был удостоен чести носить имя супруги Александра I Елизаветы Алексеевны. С этого года поселение именуется «Елисаветовской станицей» [16; с. 153].

А вот что сообщал в 1902 г. по этому поводу настоятель Покровской церкви станицы Елисаветинской Дмитрий Орлов на запрос из Харькова, для XII Археологического съезда: «При основании станицы прежнее её название было «Казачий стан», первыми поселенцами здесь до 1790-х годов были «казаки станиц Черкасской, Аксайской, Роговской (ныне Александровской) и малороссы, приписанные за этими станицами». [5; ф. Р-697.].

Люди эти на острове собирались на лето и осень для рыболовства, жили в шалашах, «и только с половины XVIII столетия стали появляться дома, сначала на столбах, а потом на насыпях», так как местность затоплялась полою водою верст на семь. Вот этот стан и стали звать «Щучьим» по ерику, где ловились в большом количестве щуки [5; ф. Р-697.].

Как видим, сведения эти почти не расходятся с другими источниками. Быстрый рост населения Казачьего (Щучьего) стана и обстоятельства экономического плана привели к тому, что близ него стали возникать рыбопромысловые и рыбоперерабатывающие пункты – хутора с рыбацкими жилищами и «спелными» заводами. Заводили такие хутора как жители Щучьего стана, так и войсковые старшины, которые особенно с сер. XVIII в. стали активно захватывать свободные земли.

В хуторах легче можно было спрятать беглецов, чем в станицах. Несмотря на запрет войсковой канцелярии «заводить хутора», эта система хозяйствования успешно развивалась. Более того, в ряде случаев хутора эти положили начало новым поселениям, сохранившимся и поныне в округе станицы.

Такова история хутора Абухова (Обухов), появившегося почти одновременно с Казачьим (Щучьим) станом.

В полевых журналах станицы за 1838 год, в разделе «О слободах, поселениях, хуторах и мельницах в первом участке юрта» упоминается «Абуховка с правой стороны Каланчи ниже устья Казачьего ерика и Казачий Ерик по обеим сторонам...» этого же ерика. О них сказано, что они «присоединены к станице Елисаветинской» [5; ф. 429.]. Хутор Абухова (Обухов) ранее 1838 г. нигде более не встречен. По нашему мнению, название хутора происходит от фамилии (прозвища) основателя – некоего Абухова (Обухова). Носители такой фамилии отмечены были исследователями в семи станицах Дона. Один из представителей этого казачьего рода, видимо, еще в конце XVIII века устроил здесь рыбоспелный завод, а затем поселение, известное сегодня как «Обуховка».

Антропонимами являются названия еще нескольких дельтовых хуторов. Так, поселение, находящееся ниже Обуховки, получило свое название по прозвищной фамилии его основателя Рогожкина – «хутор Рогожкина», «Рогожкин».

Аналогичным образом, но в удалении на юго-восток от Щучьего (Казачьего) стана, возникнет «хутор Койсугский». Однако его название связано не с конкретным человеком (или группой людей), а с названием речки Койсуг. В этом случае топоним является чистым гидронимом. Жители хутора занимались рыбным промыслом, разведением скота.

Выше ст. Елисаветинской есть хутор Шмат (Шматов). Судя по названию, он был основан конкретным человеком, чье прозвище звучало как «шмат» (от «шмат» – кусок, ломоть; «шматовать» рвать, резать на части), указывало на род его занятия, связанного с кулинарией (возможно, рыбной). Сведений о времени возникновения хутора, а также других данных нами пока не обнаружено.

Попытки описания границ Елисаветинского юрта, в т.ч. на стыке с Азовом были зафиксированы в документах под 1796, затем под 1816 годами. Но они сгорели в межевой комиссии [5; ф.229.]. Наиболее полно и точно границы юрта были обозначены в полевых журналах комиссии для размежевания земель Войска Донского. Эти документы датированы 1838 г.

Граница Елисаветинского юрта была установлена решением Правительства Сената в 1852 г. и утверждена в 1855 г. [5; ф.229].

Тогда же были составлены межевые книги на три, чрезполосно расположенных, участка, вошедших в юрт станицы: Нагорный, Задонский и Займищный.

По положению 1835 г. помещики обязаны были вывести за границы юртов своих крестьян с землями.

Еще в 1819 г. был создан «Комитет об устройстве Войска Донского». В его работе сразу же наметились две линии: донские дворяне и чиновники ничего не хотели менять в сложившейся системе владения землей и крестьянами, в устройстве власти, что давало им возможность нарушать законы в отношении казачества; правительство же стремилось к созданию военных поселений в стране и к ликвидации в будущем политической самостоятельности Войска Донского. Во втором подходе предусматривалось значительное ограничение власти старшин, в т.ч. в плане захвата ими войсковых и юртовых земель.

Но разобраться с наработками Комитета во времена Александра I не успели.

Правительство хоть и приняло курс на сохранение казачьего войска с ограничением возможности захвата новых земель у казаков дворянами, но и сложившуюся к этому времени систему дворянского землевладения на Дону оно не затронуло.

К этому времени земля войска Донского была поделена на 7 округов.

Их возглавили сыскные начальства. В военном отношении деление было иным – на четыре округа, которыми руководили окружные генералы.

Границы юртов вплоть до начала 1820-х годов оставались неточными, что продолжало вызывать споры у сторон. К тому же, внутри границ Войска, на северо-востоке и на юго-западе его территории располагались не подчинявшиеся ему административно-территориальные образования – Ростовский уезд и Таганрогское градоначальство.

Поводом для споров между азовцами и жителями елизаветинского юрта было даже пользование камышом. Это растение на Дону традиционно использовалось для топлива, в качестве кровельного и даже строительного материала.

Традиционно заготовкой камыша и азовцы и елизаветинцы занимались в Войсковом займище, в гирлах Дона.

Вопрос этот был настолько серьезен и важен для низовий Дона, что он стал предметом обсуждений в самых высоких инстанциях ещё в конце XVIII века, т.к. 27 февраля 1800 года последовало Высочайшее повеление о правилах пользования этим, почти стратегическим в условиях местности, сырьем. Указ Павла I позволял азовцам без ограничений пользоваться камышом в займищном участке дельты Дона. Выявлено это было «временными обстоятельствами квартированием и продовольствием в то время большого количества войска в Ростовском уезде» [5; ф.229, оп.3, д.336, л.56].

Займищную (дельтовую) часть Дона закон 1835 года закрепил за Войском Донским, но в нем ничего не говорилось о правилах въезда туда азовцев. А раз так, то военное министерство сочло трения между спорящими сторонами недоразумением и рекомендовало областному правлению допускать азовцев к рубке камыша, но не безденежно, но если денег нет, а камыша в избытке – давать рубить его бесплатно [5; ф.229, оп.3, д.336, л.56,69].

По закону 1835 года, рубка камыша начиналась с места и срока, определяемых обычно станичным обществом. Это совпадало обычно с периодом созревания растения – с сентябрем. Но как утверждал окружной начальник на запрос войскового наказного атамана жители посада Азов, не дожидаясь этого срока, начинали его рубку «без всякого порядка», неизменно выбирая лучший. Такое положение приводило к столкновениям сторон вплоть до применения силы.

Прийти к соглашению не удавалось. Поэтому в октябре 1875 года атаман ст. Елизаветинской Закаляев, урядники Евграф Сидоренков и Николай Панфилов обратились по поручению общества к войсковому наказному атаману Н.А. Краснокутскому с просьбой принять от них доверенность «на защиту их земельных и водных угодьев» от посягательств азовцев, кагальничан и круглянцев [5; ф.229, оп.3, д.336, л.8,10].

Вопрос о земле становился главным.

В «Положении об управлении войском Донским», утвержденном 26 мая 1835 года, была закреплена сложившаяся система организации власти и управления на Дону.

Система выборов стала многоступенчатой и во многом носила декларативный характер, т.к. большинство казаков и даже дворян не могли лично участвовать в выборах, только через выборщиков. Выбранный станичниками атаман опять же должен был утверждаться наказным атаманом.

Наконец, документ определил и закрепил земельное устройство Войска Донского.

Вся земля предназначалась для юртового надела станиц, помещичьих крестьян, калмыков, для содержания частных конных табунов, пастбищ скота и пр.

Земли крестьян обращались в потомственную собственность их владельцев.

В границах Войска оставались также запасные земли (войсковой запас): для увеличения станичных юртов по мере надобности, а также для наделения чиновников пожизненными участками [6].

По закону от 28 мая 1835 года, землю для каждой станицы следовало нарезать «по числу жителей такое количество..., которое в сложности составило бы по 30 десятин на душу».

Станичные земли подлежали обмежеванию, а помещичьи крестьяне выселению за пределы юрта. Межеванием занялась специально созданная комиссия. В ГАРО сохранились полевые журналы по обмежеванию юрта станицы Елизаветинской, датированные 1838 годом.

Согласно этим документам территория юрта состояла из трех участков – Нагорного, Займищного и Задонского.

Нагорный участок на северо-западе имел границу с территорией Ростовского уезда, начинался от слободы Синявки и речки Донской Чулек, проходил по левому берегу реки Мертвый Донец, захватывая балки Ворошкина, Васильева, Заячью, Большую Камышеваху. В границах этого участка на 1838 год из населенных пунктов находилась слобода Синявка[3], принадлежавшая трем казакам: сотнику Ивану Ханженкову, полковнику Дмитрию Леонову и Бобрикову. В участке также названы хутора Солдатов[4], Щедров[5], пос. Лукьянов[6], Ханженков[7], снова хутора Сенькин и Сидоров (на правой стороне р.Морской Чулек, выше балки Ворошкиной)[8], хутор Сысоев[9], хутор Номикосов (после Быкадоров, Зверев)[10], пос. Мержанов[11]. Это были владения казаков и старшин. По данным межевой книги Нагорного участка в нем на 1852 г. было:

- пашенной земли 2 785 дес. 320 кв. сажений;
- степи, способной к земледелию 1339 дес. 600 кв. сажений;
- степных и луговых покосов 680 дес. 150 кв. сажений;
- лесу (вербы), кустарников 43 дес. 1814 кв. сажений;
- под селениями, гумнами, дорогами, церковью, неудобными землями, речками и болотами ещё 601 дес. 1935 кв. сажений.

Таким образом в общей сумме площадь участка равнялась 5450 дес. 19 кв. сажениям [5; ф.429, оп.8, д.377, л.1; 25]. Граница между этим участком Елизаветинского юрта и землями ст. Гниловской проходила по живой линии р. Лагутник.

Следующий участок – Займищный – почти полностью имел неудобные (заливаемые в период половодья) земли. Его территорию пересекали речки Каланча, Мокрая и Сухая Каланчи, Кутерьма, река Дон, множество ериков. Удобные же земли в этом участке имелись только «при курганах Пяти братьев, между озерами Панским и Доном, примерно в длину – полторы версты, в ширину – на полверсты и луговые места о Дона и панских озер до станицы Елизаветинской, по Дугину ерику до бугров хлебопахотных и от ерика Бубнова по над старою Кутерьмою до лимана Середина и реки Лагутника, а также между Каланчою и Доном по ерику Дедерюгину, от ерика Петровского с правой стороны до Каланчи, и от ерика Островского и Дона по над Каланчою до Мокрой Каланчи... и с левой стороны реки Койсуга...» [5; ф.429, оп.1, д.324, л.1].

Именно в этом участке находилась станица Елизаветинская и её основные хутора. В «Статистическом описании земли Донских казаков» сказано, что хутора Черкасского округа «...ничто иное как большие казачьи хутора, выселенные от станиц для удобства промыслов» [16; с. 154]. Но этот же источник дает иную оценку хуторам (четырем селениям) Елизаветинской станицы «они более других заслуживают внимания» (речь идет о хуторах: Государево, Колузаевское, Койсугское, Рогожкино). Авторы упомянули Обуховку, но не как самостоятельное поселение: «Станица Елизаветинская лежит частью на правой стороне Дона, а другими частями по обеим сторонам Казачьего ерика и Каланчи, эта последняя часть станицы называется обуховскою – сообщает Н.И. Краснов [«Военное обозрение земли Войска Донского», с. 98].

Вовсе нет никаких упоминаний о сколько-нибудь значимом поселении на месте современного хутора Дугино у устья одноименного ерика. О самом ерике сказано, что он «временно пересыхает» [ГАРО, ф.429, оп.1, д.324, л.2]. Объяснений по поводу названия пока не встречено.

Однако на 1843 г. в составе населенных мест на землях Елизаветинского юрта будет указано 5 зимников[12], но ничего не сказано об их владельцах.

Наконец, Задонский участок.

В нем, как сказано в полевом журнале, «одна речка Эльбузда[13] составляет всю водность участка, балки же Бурханова, Цукорова, Бирючья, Кугой (Кононова), Лазарева и Чубурки Сухой временно воду имеют в колодезях или копанях». В этом же участке находились хутора Слюсарев (есаула Павла Слюсарева), Бирюченский (по названию балки)[14], хутор Кугейский (на вершине Кугейской балки). Правда, после съемки 1822 г. на плане он не значился. На территории же участка был хутор Стрюкачев (при урочище Кугой), при этом же урочище – зимники войскового старшины Браиловского и Сысоева (последний – казак ст. Гниловской) [5; ф.429, оп.1, д.324, л.4].

По генеральному межеванию (1796 г.) за Елизаветинским юртом числилось 65942 дес. 1387 кв. саженой земли [5; ф.229, оп.3, ч.2, л.59, об]. Займищный и Задонский участки юрта занимали немногим более 60000 дес. земли. Следовательно, самым «скромным» в юрте был Нагорный участок.

Каким же образом распределялась земля внутри юрта?

«Положение...» 1835 года, а затем решение Государственного Совета от 21 апреля 1869 года утвердили размер земельного довольствия (пай) в казачьих станицах; 30 дес. удобной земли на мужскую душу и по 300 дес. тем станицам, где были приходские церкви. В казачий пай входили усадебные земли, пашня, выгон для скота, огороды, сады, ливады[15], луга, леса. В дальнейшем наделение землей жителей станиц должно было происходить за счет прирезывания свободных войсковых земель. В Черкасском округе, куда входила ст. Елизаветинская, запасные земли первой категории находились в приморской полосе на юго-западе: по балке и речкам Чубурке и Мокрой Чубурке, а также от моря до перемычки выше хутора Мокро-Чубурского. Это была западная часть отдела запасных земель. Запасные участки второй категории располагались на восток от х. Мокро-Чубурского до правого берега р. Эльбузды. И, наконец, снова на восток от р. Эльбузды по речкам Мокрый Кагальник и Куго-Еи находились резервные земли третьей категории. [15; с. 69].

При наделении в 1836 г. землю, проживавших в станице казаков (1596 мужских душ), на них пришлось 47880 десятин, т.е. по 30 десятин на одну мужскую душу [5; ф.301, оп.17, д.336, л.4].

«Станица Елизаветинская строениями одинакова со станицею Гниловскою, но расположена удобнее», – сообщает автор «Статистического описания...». Жилища казаков от Аксая до Азова «чисты до излишества», в них, как правило, 3 комнаты – «стряпная, спальня и чистая, или зала». [15; с. 143]. Более подробное описание низовых станиц, в т.ч. Елизаветинской, дает член-секретарь ОВД коллежский советник Семен Номикосов в своем «Статистическом описании области Войска Донского», изданном в 1884 г. в Новочеркасске. Автор относит станицу к числу больших низовых станиц, отмечает, что дома здесь «преимущественно деревянные, иногда двухэтажные, всегда прочно и довольно красиво выстроенные, у зажиточных людей в доме от 3 до 5 комнат, у бедных две, иногда три» (с. 306). Казачий дом почти всегда имел рундук – род навеса на столбах или крытого балкона с входной дверью или открытым крыльцом с перильцами. Сам дом называли куренем. Его стены снаружи окрашивали в охристый цвет.

В период до 1843 г. в станице и ее хуторах было открыто полсотни торговых лавок, четыре питейных дома, девять частных кузниц, две ветряные мельницы, два кирпичных завода. Правда строения по-прежнему большей частью были деревянные. Только станичное правление, приходское училище (1833 г.), церковь да четыре дома богатых казаков и дворян красовались красным кирпичом.

Главным украшением станицы была церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, которую построили к 1824 году на месте деревянной, купленной и перевезенной из Аксайской станицы еще в 1793 г., 13 февраля. Но та церковь из-за ежегодных наводнений обветшала, поэтому пришлось строить новую.

Покровская церковь строилась из камня, с колокольнею и тремя престолами: во имя Покрова Божьей Матери, в честь первоверховных апостолов Петра и Павла, в честь Великомученицы Параскевы (Пятницы).

Вот как выглядела церковь по имущественной описи, выполненной по Указу Новочеркасской духовной консистории в 1843 г. «Оная церковь и при ней колокольня... сооружены тщанием прихожан в 1824 году и освещены того же года в сентябре, 28-го, оштукатурены снаружи и изнутри, покрыты железом, кровли все и главы окрашены зеленою краскою», на главах церкви и колокольни шар и крест, они «вызолочены чрез огонь червонным золотом, а на алтаре крест по кульфабе вызолочен листовым золотом». В описи упоминаются вызолоченные таким же способом звезды на главах церкви и колокольни.

Войдя в храм, верующий мог видеть помещение, окрашенное «березоваго цвета краскою», алтарь, в котором «от горнего места до царских врат было 10 аршин 10 вершков, ширины 14 аршин», от царских же врат до западных дверей храма 30 аршин 3 четверти. Таким образом, длина зала в храме составляла 28 м. 41 см. В описи упоминаются две грамоты, которые висели за стеклом в киоте: первая на бывшую деревянную церковь 1793 г., подписанная епископом Воронежским Иннокентием; вторая – на каменную церковь 1811 года, дана 4 февраля преосвященным Антонием, епископом Воронежским и Черкасским.

В церкви же с 1796 г. хранились книги метрические и исповедальные, а с 1803 г. – книги о заключении браков.

Покровская церковь имела 8 колоколов. Вот что сообщает о них опись 1843 г. Самый большой, весом в 134 пуда 37 фунтов (2158 кг.), «лишь с 1818 года с изображением образов Воскресения Господня. Покрова Божьей Матери, Усекновения главы Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца»; другой колокол, весом 81 пуд 1 фунт (1296 кг.) имел изображение Спаса Нерукотворного, Божьей Матери и Николая Чудотворца; следующие три колокола имели вес: 21 пуд 22 фунта, 6 пудов 36 фунтов и 4 пуда 3 фунта, вес же еще трех колоколов не был выставлен [5; ф.226, оп.2, л.л.1,2,3,13, об.14,18,21-32].

Первым штатным священником в «Казачьем стане» был Косьма Алексеев сын Поляков (1796 г.), его сменил Василий Браиловский, а с 1803 г. – Василий Диков. В 1814 году в церкви был открыт второй штат, по которому полагалось два священника, один диакон, четыре причетчика. Вторым священником к церкви был посвящен Василий Самуилович Шипшин, Диков же в 1828 г. стал настоятелем Покровской церкви, а в 1831 г. произведен в протоиереи. Таким образом, главным строителем церкви был священник Василий Григорьевич Диков. Все священнослужители были из числа казаков.

К Елизаветинской была приписана церковь в Усть-Койсуге.

Вот как выглядел приход Покровской церкви по ее ведомости 1828 г.:

По части 1-го священника (Дикова):

В станице:

дворян – 9 дворов, в них 6 мужских и 10 женских душ;
при них дворовых крестьян – 26 мужских и 68 женских душ;
казаков – 151 двор, в них 439 мужских душ и 406 женских;
разночинцев – 15 дворов, в них 42 муж. и 34 женских души;
раскольников – 22 двора, в них 72 муж. и 76 женских душ.

В Усть-Койсугском селении:

казачьих дворов – 67, прихожан 315 душ;
при них дворовых крестьян – 7 душ;
разночинцев в 6 дворах – 21 душа;
раскольников в 4 дворах – 97 душ.

Всего дворов 274, в них 799 мужских и 820 женских душ [5; ф.226, оп.1., д.1388, л.6].

По части 2-го священника (Шипшина):

В станице:

казаков – 94 двора, в них 264 мужских и 262 женских души;
дворовых – 6 женских душ;
разночинцев – 6 дворов, в них 19 мужских душ и 14 женских;
раскольников – 12 дворов, в них 34 муж. и 44 женских душ.

В Государевом хуторе:

казаков в 51 дворе – 314 душ обоего пола;
дворовых – 6 душ обоего пола;
раскольников в 7 дворах – 44 души обоего пола.

Всего дворов 170, в них 501 мужских и 506 женских душ.

Таким образом, на 1828 год в Елизаветинском юрте проживало 2626 человек, из них казаков 2000 человек [5; ф.226, оп.1, д.1388, л.л. 1-6].

Как видим, кроме казачьего населения, в станице и хуторах проживало неказачье население. Еще в 1811 году крестьяне-малороссы, приписанные за станицами, были переведены в казачье сословие, позже это сделать было почти невозможно [5; Р-697, оп.2, д.77, л.113]. Но на Дон и в Приазовье в поисках заработка ежегодно приходило большое количество крестьян (оброчных и государственных) из малоземельных губерний России, соседних с Войском Донским.

Население станицы Елизаветинской росло довольно быстрыми темпами, в т.ч. и за счет естественного прироста: 1820 г. – 798 казаков, 693 казачки 1836 г. – 1596 казаков, 1920 казачек 1843 г. – 1741 казак, 1920 казачек.

В 1843 г., согласно ведомости народонаселения, в станице проживало лиц:

духовного звания – мужских душ – 21, женских – 19;

служилых казаков – 469 мужских душ;

отставных – 327 мужских душ;

допризывников (до 19 лет) – 42 души;

торговых казаков – 66 душ;

детей от 1 до 19 лет – 995 душ;

Здесь же жили дворяне из числа казаков и неказаков – 35 душ обоего пола и 1687 душ (тоже обоего пола) из числа нижних чинов.

Общее число жителей станицы (с отставными солдатами, помещичьими крестьянами, разночинцами, чернорабочими и пр. слоями населения) составило 9260 чел., в т.ч. казаков (обоего пола) – 3 661 человек [5; ф.353, оп.1, д.20, л.1, об.2].

Почти за полвека станица среди населенных пунктов Войска Донского по числу в ней проживавших с 85-го места переместилась на 4-е место.

Население станицы на 1868 год (с хуторами):

Населенный пункт	Количество дворов	Население (каз.)	
		Мужское	Женское
ст. Елизаветинская	346	967	1016
х. Колузаев	36	89	102
х. Усть-Койсуг	60	188	196
х. Синявский	96	271	264
х. Рогоженский	14	36	38
х. Абуховский	181	533	573
х. Государев	80	239	223
х. Петровский	5	14	8

(Памятная книжка ВД за 1868 год, с. 2).

Сравнительные данные о казаках и иногородних в ст. Елизаветинской на 1869 год:

Казачи

Мужчины – 2368

Женщины – 2399

Иногородние

Мужчины – 474

Женщины – 396

(Там же, за 1871 г., л. 49).

Земли на всех не хватало. Закон от 17 ноября 1873 года предписывал уже другой путь решения вопроса – выселять из станиц «излишнее население» на вновь учреждаемые юрты из войсковых земель. Видимо, в ст. Елизаветинской оказалась подобная ситуация, т.к. из нее надлежало выселить 443 мужских души.

В 1872 году на 1 мужскую душу в станице могли выделить только 21 1/2 десятины на пай [5; ф.229, оп.3, д.268, я.14]. К тому же еще 8 апреля 1871 года Военный Совет издал Положение, по которому 46 семей должны быть допущены к пользованию землей в юрте Елизаветинской станицы. Но приговор станичного схода от 6 октября 1874 г. содержал отказ, т.к. выяснилось, что семей не 46, а 76. И как заметил станичный атаман сотник Закаляев «...общество... только и может предоставить им право довольствия...в попасе, сенокосе, огородничестве и рыбном промысле..., к разделу на пай под пашню допустить... не может...» [5; л. 6].

154 станичника подписались под просьбой отвести землю для этого из Задонского войскового участка. (Там же, л. 7). Тем более, по закону 1869 г. с увеличением числа жителей прирезка довольствия должна была осуществляться за счет войсковых земель. Елизаветинской станице в 1884 г. добавили 28 дес. 300 саженой [5; ф.301, оп.18, д. 1499, карта].

Земля эта находилась в Задонском участке, между балками Водяной и р. Средней Чубуркой. Там же были отведены еще 4 дес. 968 саженой.

Кроме станицы, в дельте Дона (займище) владельцами земель были архиерейский дом (рыбная тоня) и войсковое правительство («жеребцовские сотни»), 10464 дес. земли находились в ведении смотрителя рыбных ловель и очистки Донских Гирл [5; ф.229, оп.3, ч.2, д.3854, л.49 ; ф.429, оп.11, д.65, л.1].

В 1886 году станица с хуторами получила во временное пользование территорию смотрителя ловель и очистки гирл. Участок этот был дан станице «за допущение... к землепользованию в своем юрте 82 семейств граждан других станиц». Жителям станицы и хуторов разрешено было косить сено, камыш, но запрещалось ловить рыбу, т.к. земли эти оставались за смотрителем рыбных ловель и очистки Донских Гирл [5; ф.229, оп.3, ч.2, д.3854, л.49, об].

В том же 1886 г. к юртовому довольствию прибавился т.н. «Меркуловский» участок площадью 2035 десятин 1200 кв. саженой у балки Меркуловой и ее отнужин; при балке Терновой – 200 десятин – бывший участок детей умершего хорунжего Егора Перелыгина [5; ф.353, оп.1, д.21, л.49].

К 1900 году в Елизаветинской и ее хуторах было уже 76169 дес. земли, где количество удобной составляло 59633 дес. 1200 саженой (70%). Большая часть ее находилась в паевом наделе – 43624 дес. (73%), луга и выгоны занимали около 10% территории юрта, менее 3% занимали попасы для конноплодного и строевого табунов. Для получения средств на общественные нужды более 6000 дес. земли сдавались в аренду [4; с. 189].

Таким образом, территория и границы Елизаветинского юрта увеличились и согласно данным того же полковника Балугева к 1900 году на территории Ростовского округа у волостей было 80% земли, а в юртах Елизаветинской и Гниловской станиц – 20%, причем Елизаветинский юрт занимал чуть более 60 процентов от последней площади.

Обращает на себя внимание тот факт, что в станице с 1899 по 1911 годы не менялось количество земли под дворами (504 дес), ливадами и садами (293 дес), огородами (400 дес), зато более чем на 1000 дес. уменьшилась площадь лугов [5; ф.301, оп.17, д.773, л.1].

Станица не увеличивалась по площади, но число жителей росло и в первую очередь за счет увеличения их в хуторах. Последние все заметнее к концу XIX – началу XX в. меняли свой облик.

Самым большим из хуторов станицы оставался Обуховский. К началу XX в. его население увеличилось в два раза и составило вместе с маленьким хутором Рогожкиным (12 верст от Обуховки) 1338 мужских душ (казаки) и 1284 женских душ (казачки). В этих хуторах проживало еще свыше 1000 мещан и крестьян (556 мужских и 514 женских душ). Все православного верования. Правда, к началу XX-го столетия в Обуховском приходе жили около 300 душ раскольников (преимущественно поповцев).

На проходивший в 1902 году в Харькове археологический съезд настоятель Преображенской церкви Иоанн Ковалевский сообщал, что жилища хуторян выстроены «по берегу реки в одну длинную около 3 1/2 верст линию»; до 1861 года хутор Обуховский принадлежал к Покровской церкви станицы, т.к. собственного храма в нем еще не было. По ходатайству бывшего в то время наказного атамана генерал-адъютанта Михаила Хомутова епархиальное начальство разрешило гражданам хутора приступить к постройке своего храма. Строившийся на общественные средства и пожертвования разных лиц храм был открыт в 1864 г. Образовался самостоятельный приход. Церковь во имя Преображения Господня расположилась в центре хутора (она стоит там и поныне), имела вид креста. Прихожане выстроили ее из камня, с деревянным куполом, «без излишеств в архитектуре».

В 1886 году церковь была распространена: в 1890 г. престолом во имя св. Андрея Критского, а в 1894 г. – престолом во имя Св.равноапостольных царей Константина и Елены [8.]

В 1899 году от Обуховского прихода отделился самостоятельный – Рогожкинский. Хуторяне созерцали теперь свой, кирпичной постройки, храм во имя Вознесения Господня. Но вплоть до 1902 г. храм оставался неосвященным [5; ф.Р-697, оп.2, д.77, л.100].

Приход обуховской церкви (вместе с рогожкинцами) составлял тогда:

- казаков – 1338 мужских и 1284 женских душ;
- мещан и крестьян – 556 мужских и 514 женских душ.

Все они были православной веры. В приходе был свой крестный ход, совершаемый ежегодно второго июля при перенесении чудотворной иконы Аксайской Божией Матери из Покровской церкви (ст. Елизаветинская) в Преображенскую церковь (х. Обуховка).

При церкви в хуторе Обуховка была открыта церковноприходская школа (женская) [5; л.100, об].

Еще в одном хуторе станицы – в Усть-Койсуге – прихожане сами на свои средства в 1897 году выстроили Свято-Никольскую (в честь святителя Николая Мерликийского чудотворца) церковь. Она была приписана к Покровской (Елизаветинской) церкви [5; л.113].

В хуторе Государевом в 1860-1861 гг. тоже был построен деревянный Георгиевский храм и открыт самостоятельный приход (Там же, л.115). Но в начале XX века она обветшала. При церкви в сентябре 1877 действовало училище.

До начала I мировой войны Елизаветинская станица имела только два хутора с устроенными церквями – Обуховский и Государев, жители других хуторов (Колузаево, Дугин, Петровский) были прихожанами той церкви, что оказывалась ближе к селению.

На 1900 год в станице Елизаветинской (с хуторами) проживало коренного казачьего сословия:

- мужского пола – 5721 душа;
- женского пола – 4542 души;
- невоевского сословия (обоего пола) – 5140 человек;
- годовых рабочих из других губерний России – 269 человек;
- иностранцев (обоего пола) – 121 человек.

Всего на 1 января 1900 г. в станице и хуторах проживало 15793 человека. [5; ф.301, оп.17, д.196, л.183, об.184].

Число домохозяев в станице и хуторах:

казаков – 1693;

невойскового сословия – 620;

иностранцев – 53.

Рыболовством занято 1722 хозяина, торговлей – 44 [5; л.184, об.185].

У казаков числилось 2315 голов лошадей. Из них строевых 313 голов. Число коров, волов и другого крупного рогатого скота:

- у казаков – 4234 ед.;

- у невойскового сословия – 611 ед.

Овец, свиней и прочего скота 15900 ед. и 382 ед. соответственно.

Неказачье население станицы, равно и других поселений на Дону, оставалось бесправным и экономически слабым.

Представители этих слоев не могли иметь пая (земельного надела), строить дом им разрешалось на арендованной земле при условии уплаты высоких ставок «посаженной» и арендной платы. Эта часть населения могла посещать сходы казаков, но права голоса на них не имела.

Однако, несмотря на все перемены в численности и социальном составе населения станицы и ее хуторов, основными владельцами земель в юрте оставались казаки. Но среди них так же наблюдалось имущественное расслоение. И дело было не только в уменьшении земельного пая. Рыночные отношения на Дону и превращение земледелия, животноводства и рыбной ловли – в товарные, тоже усиливало расслоение.

Станичное общество тоже отдавало часть юртовых земель в аренду. Так, в 1899 г. на 4-летний период в одни руки был сдан Меркуловский участок по цене 4 руб. 5 коп. и 4203 десятины в разные руки сроком на 1 год: пахотную от 6 до 12 рублей, залежетолочную от 1 руб. 50 коп. до 2 руб.40 коп., сенокос от 1 руб.40 коп. до 2 руб. 80 коп. за десятину, причем с правом распашки той земли, которая была два года под залежью, а Меркуловский участок с правом два года пахать и следующие два держать как толочную землю [5; с. 190].

Наблюдался у елизаветинцев и такой вид аренды, как отдача казаком части пая за его долги обществу, например, за сбор себя или сына на службу.

Казаки станицы Елизаветинской и хуторов с конца XIX в. чаще командировались в 16-й Донской казачий полк и во 2-ю артбатарею [4; л. 191]:

	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.
Призванных	58 чел.	55 чел.	55 чел.	52 чел.	48 чел.
Оставшихся от наряда (конных и пеших)	17 чел.	18 чел.	12 чел.	15 чел.	25 чел.

[4; л. 191].

В 1900 году из станицы и хуторов на службу было командировано до 50 казаков. Всем им выдали пособие на обмундирование [5; ф.301, оп.17, д.196, л.181].

В качестве арендаторов земли выступали как сами казаки из числа зажиточных, так и иногородние. Первые арендовали 19200 десятин, вторые 27 413 десятин земли [5; л.6, с. 189].

К 1911 году, судя по отчету станицы в войсковую канцелярию, в ней было уже 3804 паевых надела, т.е. за 11 лет число тех, кто имел право на пай в станичном юрте выросло на 688. На пай теперь приходилось 12

десятин земли, в т.ч. 9 – пахотной, 2 – залежетолочной, 1 – сенокоса. Кроме этих земель каждому казаку станицы нарезали 1/4 десятины луга, 1/4 пахоты, 1/8 сенокоса и бахчей.

Цена казачьего пая для арендатора вновь стала высокой – 240 рублей, цена 1 десятины пахотной земли увеличилась в 3-4 раза.

Таким образом, к началу первой мировой войны ст. Елизаветинская попала в число малоземельных, не помогали и переделы паев через каждые 2 года. Один из последних таких переделов планировался на 1913 год. Решение об этом принято было на станичном сходе 29 сентября 1912 года. Надлежало проверить межи юрта, станицы и ее хуторов. К этому времени обострился вопрос о размерах пая у жителей х. Синявского и у самих елизаветинцев. С претензиями друг к другу обращались Елизаветинский станичный атаман П. Аханов и хуторской атаман Василий Сидоренко. Споры возникли после указа областного Правления ВД от 13 июля 1910 года, согласно которому пай каждого синявца должен был увеличиться на 1 десятину. Однако, в феврале 1913 г. станичное общество, тянувшее введение решения в жизнь, постановило не допускать синявцев к пользованию этой землей, т.к. еще в 1912 г. они обнаружили в наделе х. Синявского лишние 866 десятин. В ответ синявцы, считая себя притесненными, запретили в свою очередь иногородним, пасти скот на общей с ними толоке.

В результате казачьих распрей пострадали иногородние. Их положение в юрте было самым нелегким и зачастую бедственным. Правилами 1899 г. и 1903 г. предусматривалось частичное наделение их землей, но эти правила так и остались на бумаге.

Не воевали друг с другом и открыто не спорили лишь представители зажиточной части казачьего сословия и иногородних, тех, кто по закону 1868 г. смог купить или арендовать землю на территории Войска Донского и Елизаветинского юрта, т.е. получить оседлость.

Занятия населения Елизаветинского юрта, самой станицы были обусловлены местными условиями. Имевших землю низовых казаков трудно было назвать земледельцами. Земля, сдаваемая по большей части в аренду, кормила их, но сами они предпочитали заниматься рыболовством и переработкой рыбы, разведением скота, меньше садоводством и пчеловодством. Особняком стояла военная служба казака, отнимавшая значительное время в его жизни.

Донское казачество издавна считало устье Дона, его рукава своими исконными для рыбной ловли местами.

Не случаен в этом смысле Указ жителям, определенным в Азовскую крепость еще в 1769 году «...для прожитья своего улов рыбы иметь и в оном чтобы Войска Донского обид и притеснений не было». Документом этим определялись границы для ловли рыбы «... от Азова вверх и вниз по Дону по две, а всего четыре версты...».

Азовскому коменданту пришлось всех прежних рыбопромышленников Войска Донского с тех мест сослать, тоня же, которая образовалась ниже Азова, названа была Государевой. [14; с. 253].

В «Статистическом описании земли донских казаков», составленном в 1822-1832 годах, отмечено, что «у жителей Черкасского округа хлебопашество столь маловажно, что большая часть оных потребляют покупной хлеб... Жители низовых станиц находят более выгод в торговле и рыболовстве» [14; с. 200.].

Описание рыбных промыслов у казаков в Низовьях Дона можно найти как в указанном сочинении, так и в многочисленных рапортах смотрителя рыбных ловель, в записках «К проекту временных правил о рыболовстве в низовьях Дона» Х. Попова.

Как указано в «Статистическом описании...» в конце XVIII в. «при устье Дона основались целые поселения, по большей части из беглых малороссиян. Принадлежащие частью помещикам, частью казне, сии новые поселенцы не полагали себе никаких пределов в ловле рыбы, пересыпали большими ловушками и миллионами крючьев все устья Дона и морской залив и, наконец, до того распространили сию не дозволенную ловлю, что нередко вовсе заграждали ход рыбы из моря в Дон».

Комитет, занимавшийся устройством Войска Донского, в 1822 году значительно упорядочил это занятие, введя зимнюю, весеннюю и меженную виды ловли, ограничив их определенными сроками. С этого времени существует и официальная статистика по рыбным промыслам в Дону. Рыболовные места в каждой станице

делились на пайки по жребью. Каждое место являлось «тоней» (от слова «тонить», «притонить») и получало название. У ст. Елизаветинской было 13 тонь [12; с. 506].

В 1822 г. в Черкасском и Миусском округах действовали 413 рыбоспетных заводов (заводы по засолке и сушке рыбы). Состоял завод, как правило, из сарая дощатого или камышового. В нем размещались солила для красной рыбы (прочные деревянные ящики, проконопаченные и просмоленные снаружи), вкопанные в землю буты (огромные чаны для 5000 чебаков или 10000 тарани), шапльки (перерезанные пополам бочки для мелкой рыбы), а также бочки с отверстием в 35-36 сантиметров сбоку для сельди и мелкой рыбы. Вне сарая устраивались балычницы (навес на 4-х столбах с жердями для вяления балыков), бугуны (тоже, что и балычница, но без навеса), мочила (ямы, обшитые досками, для замачивания рыбы перед отправкой в солила), садки и ставы.

В среднем завод обходился владельцу в 800 руб., но были и больше [12; с. 507-508].

В 1822 году улов рыбы (осетровые, частиковые) составил по Черкасскому округу самое большое количество по Войску Донскому – 4 246 624 пуда. «Памятная книжка области Войска Донского за 1866 г. сообщает следующие сведения о рыбных промыслах округа: в 1838 г. число рыбоспетных заводов сократилось и составило 290, улов красной рыбы был зафиксирован на 11 212 пудах, белой (лещ, судак, тарань и пр.) – в количестве 46 660 700 штук, сельди – 25 120 000 штук, икры собрано было 2 193 пуда.

Семь лет спустя (в 1845 г.) число заводов вновь уменьшилось до 249, но количество выловленной красной и белой рыбы значительно возросло (59 310 пуд. и 62 500 000 шт. соответственно), количество же добытой сельди составило только 3 000 000 штук, а икры 1724 пуда [с. 66].

В 1834 г. в одной Елизаветинской станице было 143 рыбоспетных завода, где готовили сельдь особому, корнвалийскому, способу и продавали бочонок (1000 шт.) за 40-45 р.

Еще 10 лет спустя видно, что чуть увеличилось число заводов (260), но резко сократились выловы красной рыбы (20000 пуд.) и особенно белой (907 000 пуд.), добыча икры продолжала падать (в 1855 г. – сельдей было поймано 55 608 000 шт.

В 1865 году число заводов продолжало медленно расти и составило 287 штук, но белой рыбы и сельди выловлено было еще меньше, чем в прежние годы – 290 804 пуда и 1 625 700 штук соответственно. Чуть лучше дело обстояло с красной рыбой и икрой – 38 819 пудов и 3 804 пуда зафиксировано в отчетах.

К 1900 г. в станице Елизаветинской останется 11 рыбоспетных заводов [4; с. 191].

Из приведенной статистики видно, что рыба всех пород вылавливалась в больших количествах, зачастую варварским способом, в коммерческих целях. Подтверждение этому можно найти как в официальных документах, так и в частных записках тех, кто с болью воспринимал происходящее.

В 1828 году государственный Совет утвердил для всех, в т.ч. и для Войска Донского, равные права в рыболовстве «по землям им принадлежащим, не для одного продовольствия, но и для торговли». Другими словами Войску Донскому, его низовым станицам, в т.ч. Елизаветинской, а так же жителям и рыбопромышленникам Ростовского уезда Екатеринославской губернии давалась возможность ловить рыбу в акватории, прилегающей к землям их владений или проходящую через их территории. При этом следует учесть, что речка Мертвый Донец для ловли рыбы до 1864 г. вообще была закрыта, а равно другие ерики и речки, берущие начало не в водах Дона [Памятная книжка, 1866 г., л. 67].

Дельтовая (займищная) часть Дона была закреплена за Войском еще в 1835 году. Но и для казаков здесь существовал ряд ограничений (запрещений), введенных все тем же «Положением...» 1835 года. В частности запрету подлежала ловля рыбы «ниже Посольского ерика, в юрте Елизаветинской станицы...», но этот запрет, как отмечал Х. Попов, никогда не выполнялся. Более того «рыболовство здесь носило хищнический характер», а казаки, не будучи в числе рыболовной полиции, брали на себя, её функции.

Казачество ревностно относилось к своим привилегиям, к источникам своего довольствия. По поводу использования «поземельных, так и некоторой части вод, составляющих источник доходов...» елизаветинцы почти постоянно спорили с жителями посада Азов. Вот почему в ГАРО можно встретить немало дел о размежевании станичного юрта с Азовом, земли Войска Донского с Екатеринославской губернией.

Но дело было, видимо, не только в границах пользования.

Так, в 1866 году Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор поручил представителю МВД генерал-адъютанту Коцебу и действительному статскому советнику Катакози разобраться в спорных вопросах рыболовства на Дону. Ранее выяснилось, что правила Донского рыболовства (т. XII, ч. I, Устав о благоустройстве в казачьих селениях) противоречат закону о рыбной ловле в других частях Российской империи (т. XII, ч. I, Устройство городского и сельского хозяйства). В 1865 году были выработаны для низовьев Дона правила (запрещения) в рыбной ловле для всех её участников. Но и они не соблюдались.

Елизаветинцы были убеждены в том, что азовцы в 1872 г. уничтожили часть межевых знаков, установленных на границах юрта с Азовом ещё в 1855 г. Сделано это было «для расширения (азовцами – Т.Ф.) своих земельных дольств... через что они ещё больше стали присваивать себе местность «Урви-хвост». Азовцы объяснили ситуацию тем, что посадская ратуша Азова с торгов продала им для ловли рыбы эти места [5; ф.229. оп.3, д.264, л.1]. Споры по вопросу мест ловли имели место и в 1875, и в 1876, и в 1878 годах. За проверку межевых знаков землемеры в этих случаях брались неохотно, либо не завершали дел по разным причинам [5; л. 14-14, л. 19, л.93].

Споры о рыбных ловлях в низовьях Дона продолжались. Поэтому войсковое правительство и: земская управа предлагали свои проекты временных правил рыболовства в дельте реки. Когда комиссия из членов правительства России и ученых разбиралась в этих проектах, то была отмечена нецелесообразность запрещения вылова рыбы в Посольском ерике, а самоограничение было сделано «единственно под влиянием рыбопромышленников Елизаветинской станицы. Последние 50 лет назад имели незначительное число неводов и для них совершенно было достаточно тех пяти[16] тоней, какие и ныне существуют в станице». Однако жители селений, располагавшихся ниже разделения Дона на рукава, сочли для себя невыгодными условия лова рыбы и пожелали сделать эту территорию свободной для рыболовства, видя в этом «важную для целого края охранительную меру...» [5; ф.55, оп.1, д.230, л.2].

Рыбопромышленники тоже видели для себя невыгодность «от скучения 125 неводов на пяти тонях».

Комиссия в 1876 году сняла запрещения 1835 г. и открыла для рыболовства все без исключения рукава Дона. В целях же беспрепятственного прохождения рыбы на нерест в Дон было предложено ввести следующие общие запреты на лов рыбы:

1) в заливе Азовского моря от гирла Дона и его рукавов справа до границ Таганрогского градоначальства и слева до урочища Семибалок и в гирлах Дона и Мертвого Донца на протяжении одной версты от моря вверх (от этого запрещения освобождались гирла, у которых располагались с. Кагальник и х. Узьяк-Попов по причине «незначительной протяженности и мелководства»);

2) в воскресные и праздничные дни и с 25 мая по 1 июля, а так же удержать «в запрещении в период времени от взлома льда до замерзания рек третью часть ширины их на всем протяжении», и в зимнее время фарватер рек Дона и рукава его Каланчи на 40 сажень и в пределах Ростовского уезда» [л. 3].

Для реки М. Донец это ограничение составляло 15 сажень, в прочих гирлах и речках, впадающих в Дон, не менее третьей части ширины реки.

Действие этого закона устанавливалось временно, сроком на 3 года, а контроль возлагался на войскового наказного атамана, на смотрителя рыбных ловель и очистки гирл Дона, областную рыбную Управу, гирловую полицию (содержалась за счет равных долей средств от рыболовства и войскового капитала).

Распределение же мест лова рыбы рыбопромышленники осуществляли по жребию для каждого вида ловли. В зимнюю пору ловушки ставились так, чтобы фарватер оставался свободным для прохода рыбы вверх по рекам. Весной рыбу ловили неводами, волокушами, плавными сетями. Если зимой, выловленную рыбу замораживали и потом продавали в соседних губерниях, то весеннюю – солили, вялили. С середины апреля, реже с мая, начиналась меженная ловля. Ее осуществляли, как и весеннюю, с той лишь разницей, что появлялось много чехони, сельди же и рыба было мало, а потому их солили в корень (т.е. держали в соляном растворе – тузлуке). Когда сельдь и рыба покоптят, то получали рыбный деликатес под названием «шамаек» [16; с. 216-217].

Что касается цен на рыбу, то она зависела от многих факторов: от количества улова, от качества самой рыбы, наконец, от погодных условий в дни вывоза на рынки. Так, согласно рапорту смотрителя рыбных ловель

за 1843 г. «сырцом за пуд осетра на ассигнации от 6 до 12 рублей, белуги и севрюги от 5 до 8 руб., сулы и чебака от 35 до 50 руб., тарани и синьги от 3 до 8 руб.»

Дороже, от 18 до 25 руб., стоил пуд балыка, посоленного в корень, икра стоила 24 рубля пуд. Но указанный год был средним по улову и как пишет смотритель, «цены низки из-за неудобного вывоза сырца, из-за плохой погоды» [5; ф.353, оп.1, д.21, л.15, об.17].

Торговлю рыбой осуществляли как сами рыбопромышленники, так и специальные перекупщики. Заключить торговые сделки можно было на ярмарках: 15 мая – Троицкая в самой ст. Елизаветинской (3 дня) и 1 октября – Покровская (3 дня).

В целом же тех, кто занимался в Елизаветинской станице торговлей в 1843 г. было 66 казаков. Если казак-торговец принадлежал к I разряду, то он был членом Донского торгового общества [15; с. 52-53] и освобождался от военной службы, с одновременной уплатой пошлин на военные и войсковые нужды по 63 р. 15 к. и в общий торговый капитал от 30 до 20 руб. в год. Торговцы II разряда не состояли в обществе, но производя торговлю на сумму свыше 300 рублей в год, платили пошлину в войсковой доход и в пользу Приказа общего призрения 10 р. 50 коп. в год. При этом служить в войске им надо было 22 года.

Те же торговые казаки, кто имел от торговли менее 300 руб. дохода в год, пошлин не платили и служили как остальные.

С большим удовольствием занимались казаки разведением лошадей, домашнего скота (коров, волов, овец, коз). В 1843 г. в станице числилось 2980 жеребцов и кобыл (для сравнения: в 1900 г. – 2315 голов у казаков, 249 – у иногородних). Конь играл большую роль в жизни казака, особенно в момент подготовки и прохождения воинской службы. «Воинская справа», т.е. конь и обмундирование стоили около 500 рублей (это аренда земельного пая за 3-4 года).

Вслед за рыболовством почитали казаки занятие коневодством. Но жители Елизаветинского юрта в отличие, скажем, от верхних юртов Войска Донского, для разведения лошадей не имели так называемых табунных земель. Таких земель во многих юртах не хватало, в Елизаветинском же особенности местности и вовсе снижали число желающих заниматься коневодством.

Однако каждый хозяин как уже было сказано должен был иметь как рабочих, так и строевых лошадей. В середине XIX в. станичные конные табуны формировались только на одно лето и то из строевых лошадей. Число последних колебалось и постоянным не было: в 1900 г. – 313 голов [4; с. 191]. В отчете ст. Елизаветинской за этот же год указано иное количество – 140 строевых коней [5; ф.301, оп.17, д.196, л. 185]. В 1911 году в таком же отчете их указано 222 головы [5; д.773, л.7].

Численность строевых лошадей изменялась после каждого ухода на службу казаков из приговорительного разряда в строевой.

Пополнение выбывших, шло за счет покупки хозяином (если у него были еще сыновья) новой лошади для службы следующего сына.

На территории Елизаветинского юрта имелись так называемые «жеребцовские сотни», т.е. участки, где пасся конно-плодовый табун. В нем к 1900 г. числилось только 7 жеребцов [4; с. 191].

Лошади разводились только донской породы. Продажная (местная) цена строевой лошади в середине XIX в. колебалась в пределах 25 рублей, ближе к началу XX в. она стала увеличиваться и достигла 70 рублей [5; ф.353, оп.1, д.21, л.4].

Крупный рогатый скот, выращиваемый в станице и хуторах был двух пород: донской и калмыцкой. Калмыцкой и русской породы водили здесь овец.

В 1843 г. голов донской породы насчитывалось 3238 ед., калмыцкой – 3111 ед. (для сравнения в 1900 г. – у казаков 4149 голов крупного рогатого скота, у иногородних – 316); чуть более 7000 голов овец и коз насчитывалось у елизаветинцев, причем овец более всего. Один баран стоил в середине XIX в. от 2 р. 50 коп. до 2 р., овца – от 2 р. до 1 р. 30 коп.

К 1900 году в станице уже было более 12000 овец и коз. Примечательно то, что нигде в статистических таблицах не сообщается о количестве и видах домашней птицы у казаков и иногородних Елизаветинского юрта [5; ф.353, оп.1, д.21; 4; л.191].

В 1911 г. в станичном отчете было указано, что в Елизаветинской и хуторах проживает 2202 домохозяина, из которых рыболовством и земледелием заняты 2140 человек, остальные торговлей промышляют. [5; ф.301, оп.17, д.773, л.2]. В отчете указаны домохозяева из числа казаков и не казачьего сословия. Количество последних как мы уже видели выше, постоянно росло, начиная с конца XIX века.

В 1902 году на территории Елизаветинской станицы проживало 136 семей (268 душ) из «посторонних губерний и областей», причем в документах указывалось, что это те, кто поселился год и более назад (поселившиеся 20-30 лет назад не учтены вовсе). От 8 до 26 семей прибыли из Вооронезской, Харьковской, Курской, Полтавской, Черниговской и Орловской губерний. Из этого числа семей – 14 (22 души) занимались хлебопашеством на арендованной земле, 122 семьи (246 душ) были батраками [5; ф.3-1, оп.17, д.753, л.5]. Последних нанимали богатые казаки и иногородние. Нанимало и само общество для полевых, сенокосных и прочих работ. Сохранились расценки по многим видам работ.

Так, годовой наемный рабочий мужского пола «стоил» нанимателю 95 руб., женского пола – 55 руб. Если работник был «сроковой», т.е. на период от Троицы до Покрова, то соответственно 50 и 35 руб. Наем поденного работника в страду обходился хозяину в 1 руб. 20 коп. (женщина – 60 коп.), а в течение другого времени года этот же работник получал 60 коп. (женщина – 40 коп.). Выше всех оплачивался поденный труд конного рабочего – 2 рубля.

Из других видов сельхозработ «на одной казенной десятине при даровых семенах и среднем урожае» вспашка стоила – 5 руб., посев и боронование – 2 руб., скосить – 7 руб., подвозка копны к току – 40 коп., обмолот катком – 80 коп.

Нанявшийся на сенокос работник получал 4 рубля с десятины, при условии копнения и стогования сена после сушки [5; ф.301, оп.17, д.753, л.7]

На 1911 год в ст. Елизаветинской – 20051 1/2 паевых. В хуторах следующая картина:

Государевский – 354

Усть-Койсуг – 134

Колузаевский – 144

Рогожский – 166

Бирючанский – 147 1/2

Эльбуздинский – 24 1/2

Водянский – 129

В трех последних хуторах паевые лично занимались хлебопашеством.

На пай в 1911 г. приходилось уже 7 1/2 десятины – пахотной земли, 3 десятины – бурьяновой, 2 десятины – сенокосной. Общий размер пая составил 12% десятины [5; ф.301, оп.17, д.336, л.24.]. На пай 1912 г. елизаветинцам планировалось уже 11 десятин [Там же, л.39].

И все же, несмотря на сокращение казачьего пая, бедноты среди елизаветинцев было мало. Видимо этим можно было объяснить поведение жителей юрта в период революции и гражданской войны: «Почти не известны случаи массового перехода казаков низовых станиц (в Елизаветинской – тоже, Т.Ф.) на сторону Советских войск» [5; ф.Р-1485, оп.1, д.628, л.9-10].

Чем ближе к событиям революции и гражданской войны, тем острее становился для населения юрта главный вопрос – земельный.

Время требовало все большего присутствия капиталистических отношений в аграрной экономике.

О развитии на Донской земле аграрной реформы Столыпина говорили и предполагали ее осуществление представители либерального дворянства, буржуазной верхушки казачества, донские депутаты в Госдуме, т.е. речь шла об отрубном и хуторском хозяйстве, наемном труде, о льготах по службе, о кредитах для организации промыслов на кооперативной основе.

В ноябре 1907 года Николай II утвердил положение Совета министров о распространении действий Крестьянского поземельного банка на казачье население Дона и Кубани. Теперь казак мог взять в банке ссуду и купить землю в собственность. Но за период с 1907 по 1911 годы таким образом, было куплено чуть более 4 тыс. десятин земли. Проблема заключалась в том, что существовало тайное соглашение Войскового наказного атамана и правительства всячески тормозить этот процесс. Инициатива здесь принадлежала атаману, который считая, что экономически самостоятельный казак может подрывать основы казачества как служилого военного сословия [3; с. 202].

А ведь донской правоведа Х. Попов еще в начале XX в. предупреждал, что «мы не назвали бы ошибкою и то, если бы по требованию жизни разделились бы на пожизненные участки и юрты. Пока это невозможно. Но эта последняя общность лопнет как признак низкой степени экономического развития» [5; ф.55, оп.1, д.182, л.9].

На Дону, начинался раскол казачества по сословно-классовому признаку, который оформится в период с 1917 по 1920 годы. Елизаветинский юрт переживал те же процессы.

Показательны в этом плане события 1912-1914 годов, когда елизаветинцы «выбирали» станичного атамана.

25 ноября 1912 года выборные от станичников и хуторян провели голосование по кандидатурам в станичные атаманы: 58 голосов из 89-ти были отданы за урядника Афанасия Афанасьевича Аханова, 53 голоса – за урядника Михаила Ивановича Пустынникова, 51 голос – за урядника Григория Ивановича Ирхина.

Утверждению у войскового наказного атамана по числу голосов подлежала кандидатура действующего атамана Аханова (1 января 1913 года заканчивался его 3-летний срок).

Но 48-летний казак, уроженец ст. Елизаветинской не был утвержден на новый срок, т.к. вслед за просьбой Ростовского окружного начальника об утверждении Аханова к наказному атаману было направлено прошение казаков станицы не утверждать из вышеназванных кандидатов никого, потому что знают «этих лиц с весьма плохой стороны...».

Аханову не простили подлога при выдвижении выборщиков при избрании в члены Госдумы И.И. Ушакова; Пустынникову – его стремление упразднить конно-плодовые табуны и 2 и 3 очереди службы; Ирхина называли «прогрессистом», добавив, что он «еще большой мироед, спекулятор, скупщик паевой казачьей земли» [5; ф.301, оп.17, д.426, л.11-12]. 3 декабря 1912 г. Ирхин снимает свою кандидатуру.

Новые выборы кандидатов на должность атамана и голосование по ним показали, что «выборщики настроены против офицеров или урядников». По мнению Ростовского окружного начальника есаула Сутулова «темные дела по ведению станичного хозяйства, нужно полагать, и являются причиной стремления станичной администрации не допустить урядников и офицеров к власти» [5; ф.301, оп.17, д.426, л.24].

22 февраля 1913 года состоялась новая баллотировка и вновь неудачно. 5 мая того же года состоялась очередная попытка выборов станичного атамана. Бурный сбор выборщиков и его результаты, как следует из анонимного письма станичников, возмутили даже почетного судью Михаила Александровича Алистратова, заявившего, что начальству нужен атаман «под сукно».

Атаманом избрали Капитана Андриановича Чайкина, прежде бывшего станичным атаманом в Мигулинской.

Но уже через 13 месяцев Чайкин приказом по Донскому Войску 4 августа 1914 года был назначен на должность смотрителя дворца императора Александра I в Таганроге [5; ф.301, оп.17, д.426, л.58]. Решение странное, принятое явно под давлением.

Станица же Елизаветинская вновь осталась без атамана, до тех пор, пока на должность эту был утвержден урядник Буланов, т.е. тот человек, кандидатура которого устроила почти всех, но власть особенно.

С началом I мировой войны донское казачество выставит на фронт 1325 тысяч человек. Снабжать воинов придется не только строевыми лошадьми, но отдавать их из числа рабочих [3; с. 211].

Уход на фронт казаков-мужчин, сокращение числа рабочих рук и скота в казачьих хозяйствах вело их к упадку. К 1917 году социально-экономическая обстановка на Дону еще более ухудшилась, казачество окончательно раскололось, на беднейшее, среднего достатка и зажиточное. Одни выступали за восстановление демократических институтов самоуправления, за освобождение казаков от военно-сословных тягот и против прежней системы землепользования, другие напротив старались сохранить «казачий дух», «казачий национализм».

Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 3, 2007 г.

[1] Историю городка см.: Королев В.Н. Городок стыдное имя // Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника. 2003. Изд-во РГУ, Ростов н/Д.

[2] Работа была издана в С-Петербурге в 1870 г.

[3] Основана в 1770 г. адмиралом Сенявиным, но в 1775 г. забрана у него в ответ на жалобу ВД (Указ.соч.А. Пронштейна.с. 10).

[4] Основан казаком ст. Гниловской Солдатовым.

[5] Основал войсковой старшина Щедров.

[6] пос. Лукьянов основал казак ст. Елизаветинской хорунжий Семен Лукьянов.

[7] пос. Ханженков основал сотник Иван Ханженков.

[8] Фактически это один хутор подполковника Ивана Лютинского.

[9] х. Сысоев основал казак – однодворец из Гниловской станицы.

[10] Старшинский хутор принадлежал разным владельцам.

[11] х. Мержанов основан есаулом Новочеркаска Василием Мержановым (ГАРО, ф.429, оп.1, д.324, л.3-4).

[12] Зимник – место, обустроенное для зимовки скота.

[13] р. Эльбузд – левый приток р. Кагальник.

[14] Как указано в полевом журнале юрта, «хутора сего на плане прежней съемки нет, а значатся вместо него скотские пригоны» (л. 4). Имеется в виду съемка 1822 г.

[15] Ливада – затопляемый прибрежный лес.

[16] Количество тоней с 13-14 сократилось до 5.

Библиографический список

- [1] Азов – древнейший порт России, История и современность // Очерки истории Азова. Вып. 7, 2003 г., г.Азов.
- [2] Бурлака В.О. Азовский порт в турецкий период // Очерки истории Азова. Вып. 7, 2003 г., г. Азов.
- [3] Болибок Н.М., Лукинов Г.И. Дон – наш общий дом (Земля Человек хлеб). Исторический очерк. Ростов в/Д, ООО «Ростиздат», 2001.
- [4] Балугев П.С. Исторические и статистические описания станицам и городкам области Войска Донского. Новочеркасск. 1900.
- [5] ГАРО, ф.229; ф.429; ф.Р-697; ф.301; ф.353.
- [6] Земля в судьбах донского казака // Собрание историко-правовых актов. 1704-1919 гг. Сост.Коршиков Н.С. – Ростов н/Д: ДЮИ. 1998.
- [7] Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов н/Д, Ростиздат. 1991.
- [8] Кириллов А. Часовни, церкви и монастыри на Дону от начала их появления до конца XIX в. Новочеркасск, 1908.
- [9] Лунин Б.В. К истории донского казачества. Ростиздат. 1939.
- [10] Лунин Б.В. Очерки истории Подонья-Приазовья. Книга II. Ростов н/Д. 1951.
- [11] Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1998.
- [12] Номикосов С. Статистическое описание области Войска Донского. Новочеркасск, 1884.
- [13] Очерки истории Азова. Вып. 6, Азов, 2001.
- [14] Памятная книжка Войска Донского за 1870 г. Новочеркасск, 1871
- [15] «Статистическое описание земли Донских казаков, составленное в 1822-1832 гг.»
- [16] Челеби Э. Книга путешествия. Вып.2, 1979 г., М.